Н. А. Дельвиг, Л. И. Редькина, Н. Н. Доненко

Деятельность российских флотоводцев по созданию института военного духовенства на Черноморском флоте в XIX – начале XX века

Исследуется историко-педагогическая основа формирования института военноморского духовенства на Черноморском флоте в условиях политических и культурных преобразований, связанных с присоединением Крыма к России в 1783 году. Приводится краткий обзор деятельности отдельных представителей военной интеллигенции по укреплению идей национального единства и этнической толерантности. Обосновывается эффективность мероприятий, проводимых военно-морскими священнослужителями совместно с командирами корабельных подразделений, направленных на установление доброжелательных взаимоотношений между подчиненными – представителями различных конфессий, а также способствующих повышению культурно-образовательного уровня низших чинов. Целью статьи является проведение целостного историко-педагогического анализа процесса становления и развития института военного духовенства в Новороссийском крае, позволяющего проследить эволюцию системы духовно-нравственного воспитания личного состава Черноморского флота и выявить особенности деятельности представителей военноморского духовенства в контексте культурных преобразований, повлиявших на качество подготовки военноморских специалистов на различных этапах развития региона.

Ключевые слова: военноморское духовенство, этническая толерантность, духовно-нравственное воспитание, военная интеллигенция, моральное состояние, воинская повинность, проведение религиозных обрядов

Ссылка для цитирования:

Дельвиг Н. А., Редькина Л. И., Доненко Н. Н. Деятельность российских флотоводцев по созданию института военного духовенства на Черноморском флоте в XIX – начале XX века // Перспективы науки и образования. 2019. № 3 (39). С. 386-398. doi: 10.32744/pse.2019.3.29

N. A. DELVIG, L. I. REDKINA, N. N. DONENKO

The Russian navy commanders activity on creating the military clergy institution on the Black Sea fleet in the 19th – 20th century

The article discusses the historical and pedagogical background of the Naval clergy Institution creation in the Black Sea region under the conditions of political and cultural changes connected with annexing Crimea to the Russian Empire in 1783. A brief overview of some military intelligentsia representatives activity in the field of promoting the ideas of national unity and ethnic tolerance is represented. The effectiveness of activities conducted by the Navy priests together with the ship's department commanders directed to installing the positive relationships in between the subordinates – the members of different confessions as well as supporting the lower ranks' cultural and educational level development is represented. The purpose of the article is to conduct historical and pedagogical analysis of the Naval clergy Institution foundation and development process in Novorossiysk Province, which makes it possible to trace the spiritual and moral upbringing evolution concept of the Black Sea Fleet compliment and to modify the specialities of the Naval clergy representatives activity in the context of cultural changes affecting the quality of maritime personnel training at various stages of the region development.

Key words: military clergy, ethnic tolerance, spiritual and moral upbringing, military intelligentsia, moral spirit, military responsibility, conducting the religious procedures

For Reference:

Delvig, N. A., Redkina, L. I., & Donenko, N. N. (2019). The Russian navy commanders activity on creating the military clergy institution on the Black Sea fleet in the 19th – 20th century. *Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education*, 39 (3), 386-398. doi: 10.32744/pse.2019.3.29

Введение

Обращение к религии как в мирное, так и в военное время всегда было неотъемлемой частью флотской жизни и быта. Вера активизировала боевой дух военнослужащих, позволяла в сложнейшей обстановке добиваться победы над врагом. Однако, в условиях прохождения службы в боевых частях массовое обращение к религии предопределяло наличие четкого регламента реализации духовных потребностей, в результате чего и возникла необходимость организации института флотского духовенства, в обязанности которого входила не только практическая деятельность по проведению религиозных обрядов, но и организация мероприятий, направленных на формирование глубоко нравственной личности представителей различных конфессий, поступавших на российскую военную службу.

Материалы и методы

Вопросы деятельности российских флотоводцев в сфере их содействия конфессиональному образованию и становлению института военно-морского духовенства освещены в отечественной и зарубежной научной литературе лишь фрагментарно. В советский период изучение религиозного вопроса в российской армии и на флоте потеряло всякую актуальность в связи с утверждением и популяризацией новых принципов строительства атеистического общества, в особенности военной среды. Исключение составляет монография Л.И. Климовича «Ислам в царской России», в которой характеризуются некоторые аспекты деятельности военных мулл.

К исследованиям постсоветского периода по изучению проблем становления и развития религиозного воспитания военнослужащих в России относятся работы Д.Ю. Арапова, В.П. Иванова, Х.М. Абдуллина.

В процессе написания данной статьи использовались материалы российских архивов, периодической печати XIX – начала XX вв., в частности, официального печатного источника военно-морского флота Российской империи журнала «Морской сборник».

Исследуя вклад российских флотоводцев в развитие института флотского духовенства, учитывая междисциплинарный характер исследования, представляется необходимым использовать принципы и методы различных дисциплин: истории, философии, социологии, психологии, педагогики, культурной антропологии и военной науки. Методологической основой данной статьи являются философские положения о взаимосвязи процессов общественного развития, о социально-исторической обусловленности характера происходящих на Черноморском флоте перемен в конце XVIII – начале XX вв. и развития педагогической мысли. Методологические положения исследования основаны на комплексном использовании аксиологического, диалектического, компаративного и др. подходов к анализу сущности и содержания деятельности представителей военно-морской интеллигенции по поддержанию деятельности института флотского духовенства.

Результаты исследования и их обсуждение

Формирование института флотского духовенства на Черноморском флоте в конце XVIII – начале XX века представляло собой процесс достаточно сложный и противоречивый. Присоединение Крымского полуострова к России, основание Черноморского флота в период правления Екатерины II в 1783 году, появление на флотской службе иноверцев или представителей «инославного исповедания», т.е. лиц, не исповедовавших православие, привело к необходимости более тесного взаимодействия культур Российской империи и народов, населявших Крым еще до его вхождения в российское цивилизационное пространство.

Утверждение принципа конфессиональной толерантности в Российской империи в конце XVIII века официально легализовало свободу духовной жизни Таврической мусульманской общины. В манифесте о присоединении Крыма к России Екатерина II обещала мусульманам Тавриды «охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно» [22, с. 897].

По данным официальной статистики, до присоединения Крыма к России в 1783 году, Крымское ханство представляло собой практически малоэтническое государство, в котором доля Крымских татар составляла почти 92 % от общей численности населения. И даже несмотря на то, что после присоединения территории часть татар покинула Родину, перебравшись в Османскую империю, они все еще оставались этническим большинством, населявшим полуостров до 1864 года (свыше 50%), и сохраняли этот статус до конца XIX века, когда доля мусульманского населения снизилась до 36% в 1897 году [13].

Эту статистику также подтверждают данные, предоставленные А.В. Риттихом в сборнике «Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России», где говорится о том, что в 1873 году в Таврической губернии проживало подавляющее большинство представителей тюркского этноса. Среди уездных городов лидерство принадлежало Ялтинскому (80,8%), Евпаторийскому (39,1%) и Перекопскому (29,4%) уездам [23].

В связи с началом проведения военных реформ в России 1860-1870-х гг., целью которых было создание массовой армии, комплектование войск стало строиться на принципах Всесловности и Всеобщности, что означало возможность призыва на военную службу мужского населения всех сословий, национальностей и вероисповеданий. Таким образом, «моральный дух армии, как никогда, стал зависеть от социально-политической, духовно-религиозной и национальной солидарности общества» [18, с. 94].

Официальное введение в штат Черноморского флота должностей имамов и ахунов было обусловлено этническими особенностями Крыма на территории которого и находились главные базы Черноморского флота, а также установлением в 1874 году в Российской империи всеобщей воинской повинности (на флоте срок службы определялся девятью годами службы: 7 лет действительной службы и 2 года запаса), что повлекло за собой необходимость создания института мусульманского духовенства.

Стало очевидным, что на Черноморском флоте привлечение к военной службе представителей этнического большинства (мусульман) предопределило введение в войсковых частях новой должности – общественных мулл. В первую очередь они были

введены в военно-медицинских подразделениях – лазаретах и госпиталях – для проведения и организации таких духовных потребностей, как например, похороны умершего иноверца.

В госпиталях крупных портовых городов Новороссийского края таких как Севастополь, Николаев, Херсон, мулла представлял определенную этническую группу военнослужащих мусульман в решении вопросов, связанных с реализацией их духовных потребностей. Однако, для полноценного выполнения своих обязанностей мулла должен был пройти процедуру избрания на должность общественного духовного лица. Вскоре подобная практика распространилась и для официального признания не только общественных, но и штатных военных священнослужителей. Общественный мулла не был освобожден от выполнения регулярных обязанностей по несению службы и привлекался к совершению религиозных обрядов лишь по необходимости, по вызову командиров. Кроме того, к ним, как к полноценным представителям мусульманского сообщества обращались командиры в случае возникновения необходимости организации мероприятий для военнослужащих мусульман в «царские дни», отмечаемые в честь членов династии Романовых, для совершения праздничной общественной молитвы. Как правило, согласно исламской традиции, общественную молитву возглавлял один из мусульман, лучше других знающий порядок совершения богослужения.

В Указе Военного Ведомства от 28 июля 1845 года было объявлено о том, что «для исправления духовных треб по обряду магометанской веры» необходимо иметь в военных портах Кронштадте и Севастополе по одному имаму с помощником, а в Астрахани, Баку и Николаеве – по одному имаму. При этом весь расход по их содержанию должен был ложиться на казну. Но, проведенная в начале 1894 года проверка состояния дел на Черноморском флоте показала, что в Николаеве на тот период остался лишь один нижний чин-магометанин. В связи с этим в 1894 году было «высочайше одобрено» решение Морского министерства закрыть Николаевскую морскую мечеть и упразднить должность ее имама, однако в Севастополе, где тогда на морской службе находились 9 мусульман, должность имама с выплатой ему соответствующего казенного оклада была сохранена [3].

Благодаря ходатайству представителей Морского министерства «Правила отправления военно-морскими служащими-магометанами их религиозных обрядов в море и на берегу» были законодательно закреплены в «Своде морских постановлений». Особо оговаривались права чтения общественных молитв «по правилам своей веры в назначенном командиром месте...по пятницам и в главные их праздники, на время которых они, по возможности, освобождаются от службы» [24, с. 228].

Что касается представителей института православного духовенства, то общая численность черноморских священнослужителей в некоторые годы была довольно значительной. Уже в первые годы существования Черноморского флота в середине 1780-х гг. в Херсоне и Николаеве одновременно пребывало до 6 православных иеромонахов, а в Севастополе и Керчи – до 16. Однако это количество было меньшим, чем 32 человека, положенных по штату по состоянию на 1785 году [24]. В период с 1864 по 1870 год число рекрутов призванных на Черноморский флот составило 3251 человек, причем примечательным является и тот факт, что рекрутский набор показал очень высокую статистику привлечения к военно-морской службе грамотных рекрутов, а в 1872 году их число достигло рекордного показателя – 11,39%, что свидетельствует о повышении престижа службы на флоте. Уже к моменту проведения военных реформ в России Таврическая губерния занимала третью позицию после Симбирской и Московской

по числу грамотных рекрутов, среди которых были представители различных вероисповеданий [23].

В эпоху царствования Николая I (1826-1855 гг.) с целью предотвращения религиозных разногласий командованием Черноморским флотом, а также представителям Морского Военного Ведомства были официально учреждены достаточно высокооплачиваемые должности имамов. Причем православное духовенство поднимало вопрос, почему инославным платят больше, чем православным [2]. Вероятно, это было обусловлено необходимостью организации просветительских мероприятий для личного состава, требованиями обучать не только основам религии, но и элементарной грамотности, и, несмотря на то, что мероприятия проводились совместно с командирами частей, обучать русской грамотности представителей иноверческих конфессий представляло собой гораздо большую проблему.

В связи с тем, что служебные требования, предъявляемые к представителям различных вероисповеданий были едины, постепенно назревал вопрос об унификации прав и свобод представителей различных конфессиональных сословий и в 1892 году в официальном издании Военного ведомства «Вестнике военного духовенства» были опубликованы рекомендации военным священникам, где разъяснялось, что: «Все мы, христиане, магометане, евреи, вместе одновременно молимся Богу нашему, потому Господь Вседержитель, сотворивший небо, землю и все, что на земле, есть для всех нас единый истинный Бог» [16, с. 9].

Первый генерал-губернатор Таврической губернии Григорий Потемкин, стремившийся сохранить национальную и этническую самобытность народов, а также территориальную целостность региона, считал необходимым изучать особенности национального характера для выработки оптимальной системы воспитания. Под этим подразумевалась необходимость создания мультиконфессиональной, состоящей из представителей различных национальностей, армии и подразделений флота, дислоцированных как в Крыму, так и за его пределами, на всей территории северного Причерноморья.

С увеличением численности корабельных экипажей и продолжительности морских плаваний, а соответственно и с ростом смертности на море в военное время, священники, которые могли бы совершать таинства и религиозные требы, становились во флоте все более востребованными.

Но, несмотря на то, что религиозной составляющей уделялось большое внимание, все проводимые мероприятия были направлены исключительно на достижение единой цели – повышения боеготовности и поднятия боевого духа личного состава, что достигалось единством взглядов и действий как морских духовных наставников, так и командиров боевых частей, осуществляющих руководство повседневной деятельностью личного состава и проведением мероприятий духовно-патриотической направленности.

Ярким примером сотрудничества командования флотом и представителей военноморского духовенства может служить, проведенная в честь 30-й годовщины Альминского сражения (20 сентября 1884 года) церемония открытия на поле битвы памятника павшим при Альме, одним из инициаторов сооружения которого выступил Главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал А.А. Пещуров. На церемонию были приглашены представители православного и мусульманского флотского духовенства. Примечательным является и тот факт, что присутствовавший на церемонии российский ученый, государственный деятель А.Х. Стевен вспомнил о подвиге

Али-бая Хункалова, который во время осады Севастополя (1854-55 гг.) позаботился о 50 русских раненых, что еще раз подчеркивает единство патриотических взглядов различных по вероисповеданию народов [9].

Само по себе понятие «духовно-патриотическое воспитание» является достаточно многогранным и подразумевает огромное количество определенных видов деятельности, нацеленной на предотвращение «пагубных поступков», совершаемых от того, что многие «не отличают добро от зла» [19, с. 64]. Нельзя сказать, что соблюдение простых религиозных обрядов является единственным показателем духовности человека, в связи с чем было необходимо внушить военным служащим правила религиозной нравственности, объяснить значение обрядов и уставов Церкви.

Так, по приказу заведующего морской частью в г. Николаеве контр-адмирала Г.И. Бутакова в действующих экипажах на флоте было введено обучение Закону Божьему с 1859 года для лиц православного вероисповедания, и основ религиозного воспитания для инославных. Занятия проходили 2 раза в неделю по 2 часа в столовой команды «языком простого народа» [17, с. 124].

Основатель военной педагогики М.И. Драгомиров, раскрывая сущность воинского воспитания акцентировал внимание на том, что необходимо позиционировать воспитание выше образования, при этом соблюдая принцип целесообразности обучения [12]. Во его теоретических работах, лекциях и выступлениях всегда подчеркивалось, что одним из важнейших факторов, влияющих на победу или поражение в войне, является нравственное состояние войск и командиров. Позднее он сформулировал эту мысль так: «Важнейшим военным элементом является человек; важнейшим свойством человека – его нравственная энергия» [12, с. 220].

Исходя из данного утверждения, основными составляющими содержания нравственного воспитания стали:

- религиозный компонент воспитания, способствующий формированию положительного отношения к политике, проводимой российским государством;
- процесс религиозного воспитания, стимулирующий добросовестное отношение к воинскому труду и соблюдению воинской дисциплины;
- религиозное учение, укрепляющее позитивное отношение к командирам и сослуживцам (беспрекословное подчинение, коллективизм, взаимопомощь, войсковое товарищество);
- духовно-нравственное воспитание, способствующее формированию высокой сознательности и ответственности за исполнение воинского долга и порядочности во взаимоотношениях с сослуживцами, скромности в общении, нетерпимости к нарушению правил религиозной и армейской жизни [1].

Еще одним принципиально важным элементом воспитательной системы М.И. Драгомирова было обучение на основе личного примера, в связи с чем к флотскому священнику предъявлялись особые требования, которые были прописаны в морском и воинском Уставе Петра I, где констатировалось, что:

«1. Начальствующий священник должен быть на корабле Главного Предводителя Флотом, который должен смотреть за поведением прочих.

2. Священник должен подавать собою пример всем прочим, и потому вести себя благопристойно и сообразно сану своему» [24, с. 66].

Нравственный облик духовных наставников был описан в трудах многих выдающихся педагогов. Так, в работе «О нравственном элементе в воспитании» К.Д. Ушинский, подчеркивая значение их положительного примера, говорил: «Необходимо,

чтобы лица, посвящающие себя воспитательной деятельности, ...особенно простого народа, были не только хорошие педагоги, но и истинные христиане по своим стремлениям и убеждениям, насколько убеждения человека доступны взору других людей» [25, с. 91].

Необходимость проведения совместных воспитательных мероприятий с личным составом не подвергалась сомнению. Тем не менее, многие, в особенности молодые, командиры не проявляли особого энтузиазма. Начальник партии траления и минного заграждения Черноморского флота капитан 1-го ранга В.Г. Энгельман нередко задавался вопросом о том, почему зачастую боевые командиры пренебрегали религиозным воспитанием подчиненных. В качестве одной из причин он видел то, что в морских корпусах совершенно не преподавали общей и военной психологии и социологии. Выйдя из корпуса молодые офицеры «продолжали совершенствовать свои знания материальной части флота, шли в классы, где тщательно изучали все, что относится к орудиям морской войны, изучали стратегию и тактику, чтобы водить эскадру и корабли в бой, но нигде не слышали о «человеке-бойце» [5, с. 48]. Вопрос о том, как стать наставником для подчиненных, «вдохнуть в командира настоящую жизнь» и заставить его заниматься личным составом не формально, а по «совести и призванию» оставался открытым [5, с. 50].

Для достижения максимального результата в процессе духовно-нравственного воспитания военнослужащих было предложено ввести дополнительные занятия грамотностью, где командиры боевых кораблей должны были работать в непосредственном единстве с военными священниками, но к сожалению, реакция офицеров на данное мероприятие была весьма пассивной. Многие видели в этом только буквальное значение самого слова – обучить правописанию и чтению. Хотя, под развитием грамотности понималась более обширная деятельность – «духовное развитие низшего служебного элемента путем развития той же грамотности, а также проведение бесед, лекций, устройства рациональной библиотеки, духовных чтений и т.д.» [19, с. 74].

Так, набирающая обороты деятельность по проведению религиозно-просветительских мероприятий, улучшение их качества, постепенно приводила к ужесточению требований к кандидатурам военных священников, что предусматривало и наличие определенного уровня образования.

В штате военно-морских священников, исповедующих православие, особое внимание уделялось уровню образованности, ввиду чего было решено «назначать лучших представителей Русской Православной Церкви для службы на флоте» [15, с. 26]. Мирские и церковные власти постоянно проявляли заботу о качественном отборе кандидатов [4].

Призыв более грамотных рекрутов, начиная со второй половины XIX века повлек за собой повышение статуса и уровня представителей православного духовенства, который начал пополняться лицами высшего богословского академического образования, среди которых были магистры богословия и один доктор для более качественного удовлетворения религиозно-нравственных нужд, что было официально закреплено специально учрежденной по распоряжению Николая II комиссией по удовлетворению религиозно-нравственных нужд войск, существовавшей при Главном штабе в 1900 году [11].

В институте мусульманского флотского духовенства также существовали определенные образовательные каноны. Имамом мог быть любой мусульманин, знающий обряд намаза, но для того, чтобы стать муллой, необходимо было получить религиоз-

ное образование, так как его обязанности не ограничивались лишь его проведением. Между тем, в Российской империи официальные власти не всегда видели существенную разницу между муллой и имамом. Например, в приказе № 625 главного командира Севастопольского порта контр-адмирала С.И. Бурлея от 22 сентября 1915 года говорится о том, что «потомственный почетный гражданин мулла Измаил Замалетдинов допускается к исполнению должности магометанского имама по исправлению духовных треб для низших чинов Черноморского флота магометанского исповедания» [21, л. 44].

Что касается возрастного ценза, то для имама и муллы возраст был одинаковым – не моложе 22-х лет, но, помимо возрастного критерия, для назначения на должность каждый претендент сдавал экзамен на знание религиозных канонов, а также подтверждал высокий уровень владения русским языком, что для многих выпускников старометодного медресе было проблематичным.

Экзамен и выдача квалификационных свидетельств производилась особыми комиссиями при учебных заведениях Министерства народного просвещения. Председателем комиссии как правило назначался начальник заведения, а членами – два преподавателя светских предметов. Если претендент на должность военного муллы имел свидетельство об окончании курса в одном из высших, средних и низших учебных заведений (уездное училище, городское училище или сельское двухклассное начальное народное училище), или же прошел курс четырех первых классов средних учебных заведений, он освобождался от экзамена.

Повышение квалификационных требований к должностям мулл и имамов предопределили необходимость реформы образования – т.е. преобразования старометодных мусульманских школ.

До начала проведения реформы конфессиональной системы обучения его основной целью в мусульманских конфессиональных школах – мектебах и медресе было освоение Корана и правил религии, на что и было направлено изучение остальных предметов. Например, арабская грамматика изучалась для того, чтобы верно понимать смысл религиозных текстов, не искажая его; география – для точного определения сторон света и направления на Мекку, куда следовало обращать лицо во время молитвы; астрономия – для верного вычисления времени молитв, начала и окончания постов; математика была нужна при решении наследственных имущественных вопросов [26]. По поводу религиозной направленности обучения в конфессиональных учебных заведениях В.И. Вернадский в статье «Научная мысль как планетное явление» писал: «От религии, как и все другие проявления человеческой личности, произошла наука», чем подчеркнул ведущую роль религии как в развитии науки, так и в воспитании человека [6, с. 90].

Стоит отметить, что, реформы в сфере конфессионального образования, связанные с появлением новометодных медресе не предусматривали тотальной русификации народов, придерживающихся исламского вероисповедания, напротив, в связи с приоритетом военно-стратегического развития территории, реформирование конфессионального образования дало дополнительные возможности лицам мусульманского вероисповедания поступать на флотскую службу.

О необходимости толерантного сосуществования этнокультур, в особенности в военной среде, говорил крымско-татарский просветитель И.Б. Гаспринский, подчеркивая, что: «Самый многочисленный и главный народ России – русские – одарены весьма редким и счастливым характером мирно и дружно жить со всякими другими

племенами. Зависть, враждебность, недоброжелательство к инородцам не в характере обыкновенного русского человека. Это хорошая черта, несомненный залог величия и спокойствия России...» [10, с. 1].

В связи с обязательным введением изучения русского языка в новометодных медресе, на флоте встал вопрос о том, целесообразно ли иноверцам и далее приносить присягу на верность Царю и отечеству на родном языке.

В официальном издании военно-морского флота «Морской сборник» была опубликована информация по рапорту Астраханского губернского правления от 2 июля 1891 года №3195, в котором генерал-лейтенант Н.Н. Тевяшов инициировал обсуждение вопроса о том, на каком языке – русском или родном – должны приводиться к присяге лица инославного вероисповедания. В результате, специально созданный комитет рассмотрел примечания к статье 185 «Свода законов т.3 Устава о Службе граждан» 1876 года, где говорилось, что присяга на верность Отечеству приносится военными и гражданскими по общим правилам и форме, указанной в приложении 5 к основным Законам, и что в ст.34 Законов говорится о том, что «каждый присягает по своей вере и законам» [14, с. 11].

Что же касается того, на каком языке производить присягу, то в действующем законодательстве не содержалось никакой конкретной информации, а это, по мнению Комитета, свидетельствовало о некоторой неточности и неполноте формулировки данного пункта закона. И, несмотря на то, что в Российской империи существует только один государственный язык – русский, а текст присяги не имеет перевода на «иностранные наречия», принимая во внимание факт того, что «присяга на верность службы исполняется по требованию закона гражданского», правительствующий Сенат постановил «при определении на службу в войскавсе должны быть приводимы к присяге на русском языке за исключением совершенного незнания русского языка», при этом необходимо прибегать к услугам переводчиков [14, с. 11]. Командованию флота в лице Главного командира Черноморского флота и портов вице-адмирала Н.В. Копытова удалось добиться разрешения принятия присяги для мусульман на одном из действующих языков и наречий, а именно: докагатайско-татарском, турецком, персидском, азербиджано-тюркском. Во время приведения к присяге рекрут повторял слова клятвы вслед за назначенным для проведения ритуала духовным лицом магометанского исповедания. Если оно отсутствовало, то эта обязанность возлагалась на кого-то из грамотных мусульман. Грамотному присягающему предоставлялась возможность читать текст присяги самому. За неимением же грамотных мусульман согласно инструкции и «за безграмотности приводимого к присяге, лицо, наряженное для привода его к оной, должно читать ему слова присяги, написанные русскими буквами» [14, с. 11].

Принятие присяги мусульманами в дореволюционном российском флоте являлось религиозным обрядом – обещанием перед Аллахом. Матрос давал присягу не только государству и народу, но и самому Аллаху, в «Кого он верил, на Кого надеялся и от Кого ждал помощи» [5, с. 51].

Нарушение присяги считалось большим грехом перед Аллахом и людьми. Если военнослужащий преступал клятву, считалось, что он покинул Аллаха и тем самым нарушил главный закон веры.

События русско-японской войны 1905 года явились подтверждением верности приносимой мусульманами присяги. И.Б. Гаспринский, освещавший хронику военных событий на страницах газеты «Переводчик» писал о том, что «на полях и в горах Манчжурии рядом с русскими борцами дерутся тысячи мусульман, они также как и русские

послушны долгу, присяге и совести, проливают свою кровь, жертвуют жизнью и несут все тяготы повседневной жизни в защиту и во славу отечеству...Друзья и враги увидят теперь, что русские мусульмане несут не только обыкновенную, но и кровавую и смертную повинность за Родину и Царя» [7, с. 1].

Начиная с конца XIX века в связи с подписанием «Высочайше» утвержденного приказа Военного Совета № 178 от 24 июня 1896 г. во многих действующих частях значительно сократилось количество штатных военных мулл, что стало восприниматься мусульманским сообществом как ущемление религиозных прав.

Русско-японская война заставила в корне изменить национальную политику, проводимую российским правительством в регулярной армии. В начале XX века Оренбургский Муфтий обратился к Императору с петицией, в которой он спрашивал: «Почему магометяне, служащие в войсках, лишены возможности исполнять обряды своей религии, так как должности военных мулл были упразднены. Почему только на время боевых действий были временно введены должности флотских мулл при штабе 1, 2 и 3 Манчжурской армии и при штабе Приамурского военного округа. В мирное время их упразднили, хотя в армию призывают 40000 магометян ежегодно. Почему они остаются без духовных пастырей?» [8, с. 1].

Сразу же после рассмотрения петиции Указом Императора Николая II от 18 февраля 1905 года помимо согласия сохранения должностей флотских мулл было закреплено, чтобы «новобранцы из рядов крымских мусульман не размещались за пределами губернии, а преимущественно были зачислены в войска, квартирующиеся в Крыму». В ответ на что, Императору было направлено благодарственное письмо следующего содержания: «Среди столь славных военных и преобразовательных задач, Государь Император нашел время рассмотрению нужд крымских мусульман. Мусульмане глубоко тронуты и выражают чувство всеподданства и безграничной благодарности» [8, с. 1].

Таким образом, несмотря на упразднение должностей мусульманских священников в регулярных войсках, усилиями военно-морского командования они были сохранены на флоте [20, л. 35].

Заключение

Таким образом, политика, проводимая как государственными деятелями, так и представителями командования Черноморского флота, обеспечила стабилизацию этнической ситуации в Крыму и на юге Российской империи касательно свободы вероисповедания в армии и на флоте, главным условием которой было достижение межконфессионального мира с учетом интересов представителей различных исповеданий, находившихся в ее рядах. Это осуществлялось при помощи создания Положений, закрепленных в Уставе внутренней службы, Своде Законов и Постановлений, которые регулировали отношения с воинами-иноверцами, учреждая институты инославного и иноверческого духовенства в армии и на флоте, и внедряя регламентации духовного обслуживания нижних чинов как православного, так и неправославного исповедания.

Российские флотоводцы никогда не стояли в стороне от вопроса межконфессиональных отношений, и с учетом сложности этой проблемы в основу деятельности военного духовенства были заложены принципы единобожия, уважения других вероисповеданий и культовых прав их представителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов Ю.С. Роль русской православной церкви в формировании нравственных ценностей офицеров русской армии XVIII – начала XX века // *Власть*. Выпуск 8, 2015. С. 158–162.
2. Арапов Д. Ю. Мусульмане в вооруженных силах России в XIX – начале XX вв. // *Военно-исторический журнал*. 2006. № 9. С. 38–40.
3. Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (первая треть XVIII – начало XX веков). М.: МПГУ, 2004. 288с.
4. Бородкина Н. Н. Церковь, общество и государство в эпоху Петра Великого. Саратов, 1997.
5. Вердеревский Д. О воинском воспитании // *Морской сборник*. Часть неофициальная. Т. 350. 1909. №1. С. 45–54.
6. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 268 с.
7. Гаспринский И. Горы Востока // *Терджиман (Переводчик)*. 5 февраля 1905. № 10. С.1.
8. Гаспринский И. О необходимости сохранения должностей флотских мулл // *Терджиман (Переводчик)*. 12 апреля 1905. № 28. С.1.
9. Гаспринский И. Памятные даты // *Терджиман (Переводчик)*. 7 октября 1884. № 34. С.1.
10. Гаспринский И. Россия // *Терджиман (Переводчик)*. 8 января 1884. №1. С.1.
11. Добровольский С. Сравнительная статистика лиц военного духовенства за период времени с 1888 по 1902 год // *Вестник Военного Духовенства*. СПб., 1902. № 6. С.186–194.
12. Драгомиров М.И. Избранные труды. М. 1956. 347 с.
13. Илларионов А.М. Этнический состав Крыма за три века // [Электронный ресурс]. URL: <http://aillarionov.livejournal.com/607335.html> (дата обращения: 04.01.2018).
14. Копия Указа Его Императорского Величества Военному министру №1817 // *Морской сборник*. Часть официальная. Т. 213. 1899. №8. С. 11.
15. Кузнецов О.Ю. Русское военно-морское духовенство // *Военно-морские силы России и Тульский край*. Сборн. мат. науч. конф. Тула, 1997. С. 23–34.
16. Лебедев А. А. Армия и Церковь: История и современность // *Страж Балтики*. № 24. 16 февраля 2000. С. 5–11.
17. Лисянский Н. Несколько слов о морском образовании в России // *Морской сборник*. Смесь. Т.156. 1860. №4. С. 122–126.
18. Лубяной В.И. Проблема веротерпимости и свободы совести в Российской армии // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. Сб. н/ст. Саратов: Изд-во «Наука». 2011. № 5. С. 91–98.
19. Л-т Князь Черкасский. О занятиях грамотностью с командой на судах флота // *Морской сборник*. Часть неофициальная. Т. 358. 1910. №6. С. 61–84.
20. Об упразднении в регулярных войсках всех штатных должностей военных мулл. Российский государственный исторический архив. Ф.821. Оп. 8. Д.1064. Л.35.
21. О назначении Измаила Замалетдинова на должность магометанского имама. Центральный Государственный исторический архив Респ. Башкортостан. Ф. И-295. Оп. 3, Д. 14428, Л. 44.
22. Положение о принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны в Российскую державу. Полное собрание законов Российской Империи. 1783. Ч. II. т.21. №15708.
23. Риттих А. Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб, 1875. 352 с.
24. Устав морской: о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море // Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1778. 344 с.
25. Ушинский К.Д. Собр. Соч. Т.2. 1857-1861. Изд. Акад. пед. наук, 1948. 452 с.
26. Devlet N. Ismail Bey Gaspirali. Ankara, 1988. 219 p.

REFERENCES

1. Antonov Yu.S. The role of the Russian Orthodox Church in officers of the Russian army moral values formation of the XVIII – early XX century. *Vlast'*. 2015. pp. 158–162. (In Russian)
2. Arapov D. Yu. Muslims in the Armed Forces of Russia in the XIX – early XX centuries. *Military History Journal*. 2006. no. 9. pp. 38–40. (In Russian)
3. Arapov D Yu. The system of Islam state regulation in the Russian Empire (the first third of the XVIII – early XX centuries). Moscow, MGPU Publ., 2004. 288 p. (In Russian)
4. Borodkina N. N. Church, society and the state in the era of Peter the Great. Saratov, 1997. pp. 182–183. (In Russian)
5. Verderevsky D. About military education. *Marine Journal*. Non-official part. Vol. 350. 1909. no.1. pp.45–54. (In Russian)
6. Vernadsky V.I. Scientific thought as a planetary phenomenon. Moscow, Nauka Publ., 1991. 268 p. (in Russian)
7. Gasprinskiy I. The Mountains of the East. *Terdgiman (Translator)*. February, 5. 1905. no. 10. p. 1 (In Russian).
8. Gasprinskiy I. On the necessity of preserving the Navy Mullahs positions. *Terdgiman (Translator)*. April, 12. 1905. no. 28. p. 1 (In Russian).

9. Gasprinskiy I. Memorable dates. *Terdgiman (Translator)*. October, 7. 1884. no. 34. p.1 (In Russian).
10. Gasprinskiy I. Russia. *Terdgiman (Translator)*. January, 8. 1884. no. 1. p.1 (In Russian).
11. Dobrotvorskiy S. Comparative statistics of military clergy for the period from 1888 to 1902. *Bulletin of the Military Clergy*. 1902. no 6. pp.186–194. (In Russian)
12. Dragomirov M.I. Selected Works. Moscow, 1956. 347 p. (In Russian)
13. Illarionov A.M. The ethnic composition of the Crimea for three centuries. Available at: <http://aillarionov.livejournal.com/607335.html> (accessed 04 January 2018).
14. Copy of the His Imperial Majesty Decree to the Military Minister №1817. *Marine Journal*. Official part. V. 213. 1899. no.8. p. 11. (In Russian)
15. Kuznetsov O. Yu. Russian naval clergy. Russian naval forces and the Tula region / *Works of scientific Conference*. Tula, 1997. pp. 23–34. (In Russian)
16. Lebedev A. A. Army and Church: Past and Present. *The Baltic Guardian*. February, 10. 2000. no. 24. pp. 5–11. (In Russian)
17. Lisyansky N. A few words about sea education in Russia. *Marine Journal*. Miscellanea. Vol. 156. 1860. no. 4. pp.122–126. (In Russian)
18. Lubyany V.I. The problem of tolerance and freedom of conscience in the Russian army. *The topical problems of Humanities and social and economical sciences / Series of scientific articles*. Saratov, Nauka Publ., 2011. no. 5. pp. 91–98. (In Russian)
19. Lt. Prince Cherkassky. About literacy classes with crew on Naval ships. *Marine Journal*. Non-official part. V.358. 1910. no.6. pp.61–84. (In Russian)
20. On the abolition of all military mullahs in the regular army. *Russian State Historical Archives*. F.821. L. 8. C.1064. p.35
21. On the appointment of Ismail Zamaletdinov to the position of the Mohammedan Imam. *Central State Historical Archives Rep. of Bashkortostan*. F. I-295. L.3. C.14428. p. 44 (In Russian)
22. On annexing the Crimean peninsula, the island of Taman and the entire Kuban region to the Russian Empire. [Full Code of Laws]. P. II, vol. 21. no. 15708. p. 897. (In Russian)
23. Rittikh A. F. The tribal composition of the Russian army contingents and the male population of European Russia. Saint-Petersburg, 1875. 352 p. (in Russian)
24. Naval Regulations: about all that concerns good governance, when being at sea. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1778. 344 p. (In Russian)
25. Ushinskiy K.D. Collected works. Vol.2. 1857-1861. Academy of pedagogical Sciences Publishing House, 1948. 452 p. (In Russian)
26. Devlet N. Ismail Bey Gaspirali. Ankara, 1988. 219 p.

Информация об авторах

Дельви́г Наталья Андреевна

(Россия, Севастополь)

Кандидат педагогических наук, доцент
Севастопольский государственный университет
ORCID ID: 0000-0002-8781-3236

Редькина Людмила Ивановна

(Россия, Севастополь)

Доктор педагогических наук, профессор,
Крымский Федеральный университет им. В.И.
Вернадского
ORCID ID: 0000-0002-4201-8693

Доненко Николай епископ Ялтинский

(Россия, Севастополь)

Аспирант кафедры педагогики и управления
учебными заведениями
Крымский Федеральный университет им. В.И.
Вернадского
ORCID ID: 0000-0003-3618-8730

Information about the authors

Natalia A. Delvig

(Russia, Sevastopol)

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor
Sevastopol State University
ORCID ID: 0000-0002-8781-3236

Lyudmila I. Redkina

(Russia, Sevastopol)

Doctor of Education,
Professor,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
ORCID ID: 0000-0002-4201-8693

Nikolay N. Donenko

(Russia, Sevastopol)

Postgraduate Student
of the Department of Pedagogy and Management of
Educational Institutions
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
ORCID ID: 0000-0003-3618-8730